

Андрей Тарханов «ПРАЗДНИК ЖИЗНИ! ОН ПЕРЕД ГЛАЗАМИ»

ПОЛЕВАЯ МЕЖА

Полевая межа, ты будто брат, к голове
любима, склонился,
Ты сегодня в июльском Прислонился ко мне
цвету. зверобой.
И тебя в этой синей И душистый вьюнок,
долине словно птица,
Я душе для покоя найду. Говорит о меже полевой.
Я оставил все распри Праздник жизни!
далеко, Он перед глазами.
Я забыл про людскую В каждой травке, в
вражду. цветке и в душе.
Удивительно быть Шар земной обнимаю
однаком руками,
В полевом незнакомом саду. Я лежу на меже полевой.

ПОЖАР РЯБИН

За окнами певуче Лечу туда. Прощай, мой
и багряно, край родимый, —
И стаи листьев к Кедрач, и Обь, и хрупкая
журавлям летят. лоза.
Пожар рябин волнует Моя планета — родина
душу странно — страданий.
Неволью в небо Планеты новой я привечу
поднимаешь взгляд. лес...
Видать, живет в душе Пожар рябин —
необъяснимо извечный знак прощанья
Загадочная вера в Для тех, кто создан
небеса. в жмани для небес.

СНЫ КАМНЯ

В священном кедровнике Ой, редко случаются
камень стоит, мирные дни.
В зеленых подтеках Угрюмому камню
и мрачный на вид, приносят они
И память ему подарили Счастливые, светло-
века, зеленые сны,
Он помнит Кучума, В них радость и песни
отряд Ермана. людские слышны.
О много чего рассказать И камень светлеет,
бы нам смог, желанно дыша.
Да сон его долгод На миг просыпается
и очень глубок. в камне душа.
Природа дала ему Но только на миг.
странную роль: Где-то снова война.
Когда на Земле И душно опит от
и страдания, и боль, багрового сна.
Когда полыхают пожары Всееляются в трещины
войны, слезы и страх,
То видятся камню И камень, наверно,
багровые сны. рассыплется в прах.

О ЖАДНОСТИ

Жадность в людях Самый страшный из
прорастает. калек, —
Может быть, она от века? Перегруженный вещами
Жадность — это означает И фальшивыми словами.
Три руки у человека. Троерукий человек.
Эта третья от напасти, Звезды неба, песни бора,
Эту руку не видать. Жадность знать не хочет
От нее исходят страсти — вас.
Больше хлпать, больше Троерукий — знак
брать. позора.
И живет в себе и с нами Пусть же он покينет нас!

«И зачем цветет черемуха под окнами этого злодея?». Не зря, конечно, величают
(Из разговора). Тебя злодеем, землячок. В деревне говорят народ:
«Зачем под окнами чаю, злодея
Далек от радостных Весной черемуха цветет?
тревог. Его бы на пустырь
И ночью — на руку нечистый — навеки...»
Воруешь сети и собак. Спешу сказать своим
Готов ты, фарисей, слова:
Предать любого за пятак. Природа верит
И, от мирских забот И тем Вселенная жива.

ВЕЧЕРНИЙ БАЛАТОН

Колоколов вечерний бой, И кажется, что не
земля и небо плывет,
в переэвонах. А ввысь летит далекий парус.
И цвета ели голубой И не скрывает в этот миг
Живые воды Балатона. Душа восторженного стона.
Нас в небеса сейчас Задумчив Балатона лик,
зовет Земля и небо
И музыка, и тучек ярус. в переэвонах.

Маршруты творческих командировок как наших тюменских писателей, так и гостей из других краев и областей страны, часто проходят через сургутскую землю.

В эти дни перед нефтяниками, геологами, газовиками, строителями, жителями Сургута, Лянтора, Угута, других населенных пунктов района выступают поэт из Ханты-Мансийска Андрей Тарханов и прозаик из Москвы Леонид Фролов.

Творчество Андрея Тарханова хорошо известно его землякам. В нашем городе он представляет его не впервые. В библиотеках, на полках любителей поэзии многих сургутян стоят его сборники. В разных издательствах страны вышло восемь книг Андрея Тарханова: «Утренний бор», «Зеленый дождь», «Утренний лыжник», «Праздник грома», «Морошковое лето» и другие.

Недавно поэт закончил учебу на Высших литературных курсах в Москве, вернулся в округ. Работает над новым циклом стихов.

Повести и рассказы Леонида Фролова публиковались в журналах «Смена», «Звезда», «Север», издавались в книге «Грузчики». Творчество писателя вызывает широкий читательский интерес, получило высокую оценку критики. Герои его повестей и рассказов — это, как правило, наши современники, рядовые труженики.

Нет большего несчастья, чем несчастье быть обманутым близким. И все-таки страдания, которые мы при этом испытываем, не сравнятся со страданиями отца, испытавшего на себе предательство сына. Страшнее горя, пожалуй, и не бывает. Никогда еще Вальков так остро не сознавал, что Сережа — часть его самого, плоть от плоти, кровь от крови — какие это, оказывается, емкие и беспощадно точные слова, если задуматься. Он испытывал необычайное внутреннее напряжение, точно струны его души натянулись до последнего предела. Мозг был воспален — такое болезненно — обостренное состояние Вальков ощущал только однажды. Он был так ошеломлен, как если бы заглянул в бездну, которая хранила тайну смысла жизни. Это было как озарение. Он подумал, что отец продолжает жить в своем сыне и после сына — во всех поколениях, которые будут вести отсчет от него, Ильи Валькова. Но сын-то... сын его предал!

«Как же дальше жить? — подумал Илья, не замечая, что по его щекам текут слезы. — Ведь это же все теперь тернет смысл...»

Возбуждение сменилось апатией, он почувствовал себя опустошенным. Вспомнил, как признался утром, что для него было бы настоящей трагедией, если бы Сережа украл арбуз, и как тот ответил ему, что он понимает. «Па, я понимаю, — повторил вслух Илья. — Вот тебе и па...»
— Ну что мне, убить его остается? — подавленно произнес Вальков, пугаясь собственного голоса.

Илья потерял счет времени, стемнело, а он продолжал сидеть, как истукан. Кто-то вошел в коридор, щелкнул выключатель, Вальков поднял голову и увидел сына.

— Па, ты чего в темноте сидишь? — спросил Сережа. — И дверь у тебя нараспашку... — Сын улыбнулся. Его безмятежность болью отдалась в сердце отца. Как он может улыбаться, когда в представлении Ильи мир если еще не рухнул, то вот-вот должен рухнуть. А Сережа продолжал улыбаться, лучезарно и невинно, и эта улыбка взбесила Валькова.

— Ну, — прошептал он, медленно поднимаясь. — Так откуда у тебя арбуз? За спиной Сережи появилась Лидия.

— Дали, — отступая к матери, пролепетал Сережа.
— Что случилось, Илья? — ничего еще не понимая, спросила Лидия.

Леонид Фролов ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

— Дали! — крикнул Вальков и вдруг, подавшись вперед, влил сыну тяжелую пощечину.
Мальчишка, защищаясь, отмахнулся, это и шло подхлестнуло Валькова, потерявшего над собой контроль, и он опять ударил сына.
— Илья-а-а! — очувшись от оцепенения, завопила Лидия. Она протиснулась между мужем и сыном.

— Вот они, твои поблажки! — Илья старался оттеснить жену. — Полюбуйся, вырастила пакостника, вора...

Пальто у Лидии растянулось, шапка упала под ноги, волосы разлохматились — она была похожа сейчас на пседу, защищающую своего дылленка от коршуна. Лидия догадывалась, отчего взбеленился муж, еще вчера у нее мелькнуло смутное подозрение, что никто не давал Сереже арбуз, сам он потихоньку унес его с базы, однако, считала она, не пойман — нечего шуметь, а руки поднимать на ребенка она не позволит. К тому же упрек, брошенный Ильей, возмутил ее.

— Мне это нравится! — наступала на супруга Лидия. — Я его растила! А ты его не растил! Умник нашелся! Выходит, это я толкала его на дурные поступки?!

— Нет, я... Ты посмотри на него! Что — ну? Что — ну?! Гну! У него же твоя философия — под себя грести! — Теперь Илья наступал на жену, стараясь дотянуться до сына. — Я тебе покажу арбуз, я тебе покажу яблоки.

— А ты-то, ты-то... — Ты меня не трожь! По крайней мере, я не учил его по базам арбузы воровать...

— А кто же? Ты и учил! — крикнул Сережа. — Сам-то ты зачем с Толиком на базу ходил? Вот и вся твоя философия! И сказать теперь нечего!

Не успел он произнести эти слова, как Вальков, вскрикнув, точно от боли, оттолкнул Лидию и опять бросился на сына. Сережа вывернулся из его рук, волчком заматался по комнате, спихивая мебель. Илья, на ходу растягивая ремень, старался догнать сына.

За свою супружескую жизнь Лидия всякое ви-

дала — и плохое, и хорошее. Были у Вальковых и ссоры, и стычки, но она никогда не боялась мужа. А тут ее обуял какой-то панический страх, когда Вальков гонялся за Сережей. Она не помнила, как оказалась на улице.

За углом их дома, через дорогу наискосок, был кинотеатр. У входа обычно дежурил милиционер. Перепуганная, растрепанная, она схватила милиционера за шинель и, глотая слова, затарахтела, что нужно спасти ее сына, иначе совсем ополоумевший муж изувечит ребенка. Милиционер, сообразив, что от него требуется, вытаскил свисток, встревожил вечернюю улицу пронзительной трелью и, убедившись, что с противоположной стороны площади, от ресторана, спешит подмога, побежал к подъезду.

Когда милиция появилась в квартире Вальковых, Илья ломился в дверь ванной, где минутой раньше закрылся Сережа.

— Открой, негодий! — Вальков изо всех сил дергал ручку. Ручка держалась на совесть, он сам ее привинчивал.

Увидев в коридоре милиционера, Вальков подумал, что пришли за Сережей, и лихорадочно стал соображать, как отвести беду от сына. Он шагнул вошедшему навстречу и отрывисто спросил, в чем дело. Милиционер был молодой, решительный, парень, коренастый, хорошо тренированный, ему показалось, что Вальков настроен против него воинственно, он сделал молниеносный выпад и заломил руку Ильи за спину. Тут подошел второй милиционер, тоже молодой и хорошо тренированный, и так же умело обошелся с другой рукой Ильи.

— В чем дело? — переспросил Вальков, рванувшись, но с таким же успехом он мог бы вырваться из тисков. — Да не крутите мне руки!

— Тихо, гражданин, — сказал первый милиционер. Тут Илья заметил жену, и ему все стало ясно.

— Ты... — начал было он и запнулся, не находя слов, чтобы выразить Лидии свое презрение. — Вот оно как, вот оно как... На собственного мужа... Полный дом миллионеров навела... Иуда — вот кто ты после этого...

— Ты что, дядя, на неприятности парываешься? — спросил первый милиционер. — Будут тебе неприятности, обещаю. Подон рот.

— Мальчишка, я тебе не дядя, — оборвал Вальков. — Такого племянника, который мне руки выворачивает, я бы и близко на порог не пустил.

— Ты... — И попрошу мне не тыкать!
— Ладно, — сказал милиционер и обратился к напарнику: — Повезли его в горотдел, Бурков. Там разберутся.

— Погодите, — остановила их Лидия. Она постучала в дверь ванной и позвала: — Сережа, Сереженька!.. Открой, не бойся, сынок.

Показался Сережа. Губа у него была разбита и кровоточила. Лидия взяла его за подбородок, подвела к милиционеру и возмущенно сказала:

— Видите, что этот изверг сделал с ребенком? Вальков истопленно заматал головой.

— Господи, что за день! — простонал он. — Сначала сын осрамил на весь белый свет, теперь жена продает...

— Ладно, — повторил милиционер. — Повели его, Бурков.

НАД ОБЬЮ

Восход над Обью красит небосклон,
Лучи свои на город обращая,
И пробуждается за зарей микрорайон.

И день встает,
В права свои вступаю.
И заполняет улицы народ,
Поток машин бежит на буровые.

Так день за днем,
И так за годом год —
Берут начало будни трудовые.

Так день за днем,
И так за годом год, —
Работая, рождают механизмы,

Идут на слом купеческие избы,
И дом за домом в городе растет.

Над Обью Возвышается Сургут, —
Он с каждым днем обширнее и краше.
Его историю —

Расскажем детям нашим,
Когда они немного подрастут.

О. РИХТЕР,
инженер.

г. Сургут.